

Записки японского унтер-офицера

АШИХЕИ ХИНО. „ПШЕНИЦА И СОЛДАТЫ“¹

Книга «Пшеница и солдаты», вышедшая в 1938 году, автор которой укрылся под псевдонимом «Капрал Ашихей Хино», разошлась в Японии за короткий срок в количестве 500 тысяч экземпляров.

«Появление небольшой книги «Пшеница и солдаты» Ашихей Хино, унтер-офицера пехотной части, сражавшейся в Центральном Китае, — говорится в предисловии к американскому изданию, — вызвало в Японии сенсацию. Ее подлинный автор — Котсунори Тамаи — был известен небольшому, наиболее взыскательному кругу читателей; он печатался в литературных изданиях и тотчас же по выходе своей первой книги был призван в армию. В книгу «Пшеница и солдаты» он включил дневники, которые он вел в походе, и письма к родным».

Предисловие к американскому изданию пытается объяснить причину исключительного успеха книги: «Многие японцы плакали, читая эту книгу... Для японских читателей, которых пичкают официальными военными коммюнике и пропущенными через цензуру сообщениями в газетах, это ценная книга. Это голос рядового солдата, вопль ужаса, боли и страдания, вырывающийся у него перед лицом смерти».

Несомненно, предисловие несколько сужает объективный смысл книги. Дело здесь не только в той растерянности или в том страхе, который испытывает японский интеллигент, очутившийся в рядах оккупационной армии. Нет, несмотря на то, что книга Ашихей Хино — подцензурная книга, несмотря на то, что автор ее не думает, или, во всяком случае, не говорит о причинах грабительской войны, о настроениях японских солдат, о непопулярности войны в самой Японии, — многие факты, приводимые им без комментариев

и обобщений, действительно дают картину, резко расходящуюся с официальным изображением японских операций в Китае.

Война японского империализма против китайского народа предстает в книге Ашихей Хино отнюдь не в виде той «увеселительной прогулки», о которой твердит шовинистическая литература, пропагандирующая идеи японского империализма. Отношение военного командования к рядовым, морально-политическое состояние армии, условия, в которых ведется война, — все это в изображении Ашихей Хино выглядит отнюдь не идилично. Уже на борту парохода, на котором оккупационные части отправляются в Китай, японские солдаты поставлены в положение убойного скота, лишены самых минимальных бытовых удобств:

«Спим мы в очень тесном помещении, потолок над самой головой. Очевидно, все жилые помещения были сооружены наспех, из дешевого материала. Приходится прибегать к тысячам ухищрений, чтобы суметь войти и выйти. Когда я в первый раз увидел отведенные нам нары и мне сказали, что мы должны будем здесь поместиться, я просто не мог этому поверить. Первое время я все забывал, что потолок такой низкий, и постоянно стучался головой. Теперь мы привыкли к этому. Ко всему, повидимому, можно привыкнуть».

Мы уложили наши мешки в ряд и таким образом отгородили наше отделение от других. Когда мы все разместились и я посмотрел на солдат, спящих рядами один над другим, я невольно представил себе коробку сардин. Не успели мы привыкнуть к тесноте, как обнаружилось еще одно неудобство: в этом спертom, зловонном воздухе нечем было дышать. Я чувствовал, как

¹ Corporal Ashihei Hino. «Wheat and Soldiers». Farrar and Rinehart, New York, 1931.

все тело у меня становилось влажным и липким, и через несколько минут я буквально плавал в поту».

Жизнь и здоровье солдат интересуют командование меньше, чем жизнь и здоровье лошадей:

«И пищу и воду лошади получают наилучшего качества. По совести говоря, о них заботятся больше, чем о людях. Ты, верно, удивишься, если я скажу тебе, что конь на войне иной раз ценится много дороже, чем человек. Так, например, лошадям отпускают столько воды, сколько им нужно, тогда как рацион воды для людей ограничен».

Неуважение командования к «серой скотинке» доходит до того, что оно, заранее уверенное в тупом и слепом повиновении, даже не пытается «обработать» солдат, подготовить их к предстоящим трудностям и испытаниям:

«Мы проводим время, как нам вздумается: сравниваем, кто длиннее всех отрастил бороду, стираем белье, выпиваем, пишем письма, поем (или, вернее, голосим) народные песни, боремся, играем в шашки или в карты, болтаем без конца, бездельничаем, зеваем.

Пролив забит судами, пловучими казармами, вроде нашей, и грузовыми баржами. Нам ясно видны солдаты на других судах. Как и мы, они ничего не делают. На некотором расстоянии серая, грозная линия военных кораблей, охраняющих наши суда».

Культурный уровень и моральное состояние японской армии лучше всего характеризует тот факт, что не только среди неграмотных солдат, но и среди командного состава процветают самые дикие суеверия. Вся японская армия нагружена амулетами и, особенно, «поясами тысячи стежков».

«Как тебе известно, на борту корабля нет ни одного солдата без такого пояса. Каждый стежок этого пояса заключает в себе молитву о безопасности. Мой пояс из белого шелка, и в него зашито много талисманов. Я не знаю, какое значение имеет каждый из них. Есть символы буддийские, есть — шинтоистские. Конечно, разницы нет никакой. Считается, что все они оберегают от ран.

Из всех подарков, которые я получил, когда меня призвали, самый ценный — это пуленепроницаемый жилет; мне подарил его мой друг Юнихиро Немура. Он сплетен наподобие кольчуги из полосок кожи высушенной каракатицы. Все полоски скреплены осо-

бым шнуром, который предварительно освящается в храме. Наконец и самый жилет, прежде чем был преподнесен мне, подвергался очищению и освящению в храме.

Ну, конечно, я вижу, что это всегонавсего кусочки сушеной рыбы и ничего более. Я не представляю себе, как это может задержать пулю, но мой друг так серьезно относился к этому, что я взял жилет и даже надел его под мундир перед тем, как уехать из дома.

Если бы я нацепил на себя все полученные мною амулеты, я был бы похож на пивную бочку и совершенно лишился бы способности двигаться.

Все, что едут со мной на этом пароходе, носят на себе амулеты, пояса, сувениры от родных и друзей».

Японский солдат в изображении Ашихей Хино совершенно не похож на того лубочного героя, презирающего смерть, каким его изображает официальная японская литература. Напротив, на страницах этих записок все время проскальзывают — с оговорками или даже вовсе без оговорок — признания в том страхе, тяжелом страхе смерти, который испытывают японские солдаты при мысли о столкновении с противником:

«Не так-то легко отказаться от жизни; мы не всемогущи; среди нас нет титанов. Нельзя научить человека думать без страха о последней минуте своей жизни. Каждый день одна и та же тема прокрадывается в наш разговор, и мы хорошо знаем, что ответ на волнующий нас вопрос — тайна, которой нам не раскрыть».

Естественно, что этот реальный японский солдат, забитый, напуганный, насильственно оторванный от своего дома и своих дел, идет в сражение без малейшего энтузиазма. Вот как описывает Ашихей Хино вечер и ночь перед высадкой его части на территорию Китая:

«Последний ужин прошел в молчании. Никто не сказал ни слова. Не слышно было обычных шуток. Люди почти не смотрели друг на друга. Они не отрывали глаз от чашек с рисом, и лица их были, как маски, застывшие и неподвижные.

После того, как я кончил писать тебе, я лег и безуспешно старался заснуть. Все делали то же самое, притворяясь, что спят. На самом деле мы все лежали без сна, впорив глаза в какую-нибудь точку на потолке, как будто

это была самая интересная вещь в мире. У всех было напряженное, тревожное состояние. Задолго до двух часов ночи многие из нас встали и начали готовиться к высадке.

Солдаты с угрюмыми и неподвижными лицами один за другим выходили на палубу, глядя прямо перед собой остановившимися, незрячими глазами».

Как мало похож этот автомат с «незрячими глазами» на торжественного «героя» официальной печати!

С каким же противником пришлось столкнуться японской армии? И здесь, в изображении борьбы китайского народа капрал Хино несомненно отстывает от официальных шаблонов. Говорить о его симпатиях к борцам народной армии было бы неоправданным преувеличением. Но он отдает должное боевым качествам китайской армии, мужеству ее бойцов. Надо также учесть и то, что книга «Пшеница и солдаты» рассказывает о событиях 1937 года, когда китайская армия еще отнюдь не отличалась той организованностью, военным опытом и боевой мощью, которые она приобрела сейчас. Кроме того, японские оккупационные части во многом превосходили в ту пору китайскую армию своей военной техникой. В книге Ашихен Хино с достаточной ясностью показано, как плохо вооруженная молодая, вырастающая из партизанских отрядов китайская армия задерживает наступление противника, в чем распоряжении находятся все средства современной военной техники.

Неожиданность, гибкость стратегии, умение маневрировать — вот те качества, которые подчеркивает в действиях противника Хино:

«Что нас больше всего восхищает в китайцах — это их способность исчезать при отступлении. Я говорю это совершенно искренно, без всякой иронии. Вот они стоят с нами лицом к лицу, бьются упорно и жестоко, и, кажется, вот-вот бой перейдет в рукопашную схватку. А потом вдруг, на наших глазах, они исчезают мгновенно, как тени на экране. Быстро, спокойно, с непостижимой ловкостью они пропадают из глаз.

То же самое повторилось и сегодня. Утром после ночного боя мы с изумлением обнаружили, что они исчезли, беззвучно, незаметно снялись и ушли. Еще ночью в воздухе свистели пули. По ту сторону дороги стояли крупные скопления неприятельских войск. Они нападали на нас. Они яростно поливали нас огнем своих пулеметов. А сегодня — ничего. Ни выстрела, ни движе-

ния, ни звука. Не только солдаты, — крестьяне тоже исчезли. Мы двигались по пустынной, покинутой стране».

Капрал Хино показывает, насколько обманчиво бывает такое отступление. Исчезнувшие без следа китайские бойцы снова появляются во фланге противника, и сражение, которое как будто уже было выиграно, возобновляется с прежней силой:

«Я думал, что эта операция уже закончена, но через некоторое время китайцы снова открыли огонь с той же позиции, и пули снова начали свистеть над нашими головами. Мы все еще лежали на том же месте, почти зарывшись в илистую насыпь».

Или:

«Я думал, что сопротивление врага окончательно сломлено, но китайцы продолжали храбро сражаться и поливали землю огнем своих пулеметов».

Такими горестными заявлениями пестрит вся книга капрала Хино. Храбрость китайских солдат произвела сильное впечатление на Хино. Он пишет:

«Я разглядел одного китайца, который, повидимому, корректировал прицел. Он стоял в окне одного из домов, смело, у всех на виду, не обращая внимания на свистевшие пули».

Необычайная гибкость стратегии китайских войск приводит под Сучжоу к почти полному разгрому той части, в которой служил автор книги.

«Это была неожиданная атака, предпринятая изнутри города после того, как ушли наши главные силы. Когда город был захвачен нами, многие из китайцев просто-напросто спрятали свои винтовки, сожгли военную форму и превратились в штатских. Повидимому, она пряталась в домах или в горах за городом. Ночью, когда нас осталось немного и все крепко спали, они бросились в атаку. Те из наших, которые остались ночевать в городе, были, вероятно, убиты первыми. Затем китайцы забаррикадировали ворота города и направили на нас пулеметы и винтовки.

Тяжелый снаряд разорвался с ужасающим грохотом в пшеничном поле в каких-нибудь двухстах ярдах от нас. Это был неприятельский снаряд. Мы были окружены со всех сторон. Мы очутились в ловушке между китайцами, засевшими в городе, и китайскими частями, которые, повидимому, наступали с гор. Изумление на лицах наших сол-

дат сменялось отчаянием. Наше положение было безнадежно.

Второй снаряд разорвался около машины агентства Домей Цусин, которая тут же вспыхнула. И тут произошла странная вещь. Может быть, в другое время это показалось бы смешным, но сейчас мы увидели в этом что-то злое. Повидимому, от взрыва вспыхнули электрические провода, приводившие в действие автомобильный гудок, и в то время как машина пылала, гудок вопил хрипло и жалобно, постепенно ослабевая, словно это было какое-то живое существо, которое горестно стонало в предсмертной агонии. Репортеры в отчаянии смотрели на свою машину. Там остался беспроволочный телеграф, много отснятой киноплёнки и все фотографическое оборудование. Гудок стонал до тех пор, пока машина не превратилась в обуглившийся остов.

Прошел час. Стрельба из города не прекращалась. Вдруг мы увидели на небе аэроплан с гербом восходящего солнца на крыльях. Мы махали флагом, руками, стреляли из винтовок, но он спокойно проплыл мимо, повидимому, не обратив на нас внимания. Мы пережили минуту неопишуемой горечи и отчаяния. Здесь, над нами, была помощь, единственно верное средство сообщения, звено, которое могло связать нас с нашей армией. И они не заметили нас.

В книге капрала Хино рассказано о том, что даже самая почва Китая как будто сопротивляется захватчикам:

«Мы снова выступили в поход и шли по мокрым рисовым полям, размытым дождями, развороченным тяжелыми башмаками прошедших перед нами войск. Каждый шаг стоил усилий. Мы скользили, падали, по щиколотку увязая в грязи. В конце концов, мы возненавидели дорогу, словно это было живое злобное существо. Скользящая, липкая грязь китайских дорог — это мощный союзник Китая».

Немудрено, что при таких условиях война начинает казаться японским войскам каким-то кошмаром.

«Начался дождь. Остаток дня прошел как страшный, путанный кошмар: мы шагали по грязи, брели по пояс в воде по мутным бурным потокам, мокрые насквозь, то и дело заряжая винтовки, непрерывно стреляя, непрерывно перебегая от куста к кусту, от прикрытия к прикрытию».

Я не знал, сколько мы прошли, куда мы идем. Я помню одно: мы шли вперед, а враг исчезал перед нами, невидимый, призрачный, как тень».

Изображая, чем живет японская армия, японский солдат, Ашихей Хино рисует достаточно безотрадную картину. Тупая покорность, страх смерти, суеверия и «чисто животная радость», вызванная горячей едой или отдыхом, — вот чем живут в его изображении японские завоеватели.

Но зато капрал Хино невольно показывает, что в лагере противника есть политическая сознательность, целеустремленность, высокое единство. Осторожно, объективно, эмпирически излагая факты. Хино рисует картину, свидетельствующую о том, что вместе с китайской армией отступают и крестьяне, о том, что после отступления пустеют города, рассказывает и о плакатах и лозунгах, остающихся на стенах и выражающих решимость китайского народа бороться до конца.

«Почти все опустевшие дома уже были переполнены солдатами других частей. Мы вошли в отведенный для нас дом, поставили караул и в изнеможении растянулись на полу. Было темно, как в погребке, так как огня зажигать не разрешалось; но через несколько минут я засветил свой карманный фонарик и огляделся по сторонам. Первое, что я заметил, это лозунги, мелом написанные на стенах: «Долой японский империализм», «Дадим армии хороших бойцов», «Носить оружие — великая честь», «Выгоним прочь японцев» и т. д.

Книга д-ра Сун Ят-сена «Три народных принципа» лежала в каждой палате. Мне попался также учебник «Социального благосостояния» и «История Великого Китая». Я нашел карту Манчжуго с надписью: «Карта национального позора». Территория Манчжуго была отмечена как часть Китая.

На этот раз мы находились в доме, который, повидимому, прежде принадлежал какому-нибудь судье или ученому. На столах в комнате лежали груды юридических книг. Над этажеркой была прибита надпись: «Национальный анти-японский штаб», тут же рядом висел портрет Сун Ят-сена.

У нас еще оставалось время до отступления. Я пошел прогуляться по городу вместе с фотографом Уэмото. Жителей, повидимому, оставалось очень мало. Городские стены и ворота были

в хорошем состоянии и прорезаны многочисленными бойницами. Повсюду были расклеены китайские патриотические плакаты: «Возьмем деньги у богачей для защиты отечества», «Будем держаться твердо», «Разоблачайте мошенников и грабителей».

Сознание того, что единству, сплоченности и целеустремленности китайского народа в лагере империалистов противостоят лишь принуждение, тупая покорность и грубая сила, приводит Ашихей Хино в конце его книги к довольно недвусмысленному выводу:

«Меня охватило чувство возмущения при виде того, с какой безжалостной легкостью разрушается человеческая жизнь. Так много великих усилий затрачивается на то, чтобы взрастить одну-единственную человеческую жизнь. У каждого человека есть свое будущее.

И какой-нибудь случайный снаряд может навсегда разрушить все надежды. Я не мог подавить в себе возмущения против войны в целом».

Было бы, однако, неверно видеть в авторе этих записок сознательного противника японского империализма. Хино — это аполитичный японский интеллигент, который, очутившись в рядах оккупационной армии, испытал растерянность и страх. Задуматься над причинами этой грабительской войны он не отважился, да если бы он это и сделал, то книга со столь «опасными» мыслями в Японии не могла бы увидеть света. И в своем настоящем виде книга Хино, прорвавшись, видимо, не без труда сквозь цензурные рогатки, сохранила на себе явные следы цензурского карандаша. Как бы то ни было, пусть даже помимо воли автора, «Записки капрала Хино» дают немало материала, позволяющего критически оценить боевые качества «современных самураев».

Обновление по методу П е т э н а

„ФИГАРО“, „ЖУРНАЛЬ“, „ПТИ ЖУРНАЛЬ“, „ПТИ ПАРИЗЬЕН“, „МАРИАНН“, „ПАРИ-СУАР“, „ДЕПЕШ ДЕ ТУЛУЗ“

Франция разгромлена. Истерзанный, униженный французский народ переживает сейчас один из самых тяжелых периодов своей истории. Но для реакционной французской буржуазии, которая своим беспримерным предательством привела страну на край гибели, страшные бедствия родины — превосходный, единственный случай попытаться удушить все живые, жизнеспособные силы ее. Оголтелая реакция хочет восстановить государственный строй, законы, весь уклад жизни по образу и подобию Франции до революции 1789 года и, прежде всего, превратить ее в «сельскохозяйственную и крестьянскую страну». Все это преподносится под видом «обновления» Франции. Такой же смысл имеют слова «возрождение», «восстановление», «новый национальный дух», замелькавшие на страницах прессы как оккупированной, так и неоккупированной зоны.

Клика, стоящая теперь у власти, — самая грязная накипь политического мира, — делает вид, что она хочет «поднять престиж Франции в духовной области» (насколько это ее действительно заботит, можно судить хотя бы по

тому, что одним из первых мероприятий правительства Петэна было восстановление контроля иезуитских конгрегаций над школами, а также закрытие Эколь Нормаль, давшей французской науке немало славных имен).

Из-за туманных призывов к «новому живому искусству, которое должно быть приспособлено к новому социальному порядку» («Пти журнал», 29/VII 1940), из-за велеречивых деклараций о том, что «духовные силы должны вновь направлять жизнь нации», из-за манифестов «о возрождении нового театра» и т. п. торчат ослиные уши самой тупой в своей ненависти реакции. Город как очаг «революционной заразы» берется под подозрение. Искусству предписано ориентироваться на «крестьянскую» (читай — кулацкую) Францию.

«Новое, подлинно французское кино, проникнутое очищенным духом, должно давать фильмы, целиком заснятые на натуре и превозносящие тот поворот к сельскохозяйственной жизни, к которому призывают Францию» («Пари-суар», 22/VII 1940).